

Прошу в книгу «Мемориала» вписать мои воспоминания. При том «подработать» так, чтобы события написались по порядку времени, а то я так «сумбурно» написала, но описанные эпизоды жизни подлинно действительные.

5.03.2001 г. Швалева (Килина) С.М.

Воспоминания о политических репрессиях и беззакониях очевидца Швалевой (Килиной)
Степаниды Мартьяновны. 1925 года рождения.

Жила наша семья в Пермской области. Отец, Килин Мартемьян Карпович, 1884 г.р., жил в дер. Шагьрт, Куединского района, Пермской области. От двух его умерших жен оставались по двое детей. В 1924 году мама, Анастасия Осиповна, вышла за него, у нее тоже была дочь от первого брака и через год совместная у них появилась я, шестая по счету детей, а в 1928 г. еще родилась моя младшая сестра. Жили единолично, сами себя кормили, одевали, обували (отец мастер был плести лапти). В семье было 7 детей сводных, поэтому в доме помогала какая-то безродная няня-домработница.

В 1930 году, за эксплуатацию чужого труда, семью нашу раскулачили, конфисковали все имущество: дом, амбар, хлев для скота, лошадь, корову, мелкий скот и домашнюю птицу. Нас выселили и отправили в Сибирь в 1930 г. Хорошо помню, жили на заимке Ермаковка, Средне-Андарминского сельсовета, Чаинского (в то время) района Нарымского края, в 30 км от села Селивановки (в настоящее время с. Бакчар).

Через нашу заимку пролегал основной тракт (дорога), по которому зимой и летом этапом гнали (как скот) раскулаченных крестьян в ссылку еще севернее в районы Нарымского края. Если в этапе замученные люди умирали, то НКВД (надзиратели) даже не разрешали схоронить. Мы, дети, выбежим на тракт-дорогу, увидим это и кричим: «Тятя, опять на тракту мертвецы 1-2 лежат». Всегда, после отец с соседями хоронили этих замученных, умерших по дороге.

Хорошо помню, как от невыносимой жизни лишенцев (так называли всех пригнанных в Сибирь людей) было в 1931 г. Высокоярское восстание лишенцев. По дороге шла стрельба, конные наездники, НКВДшники с работниками комендатуры и сельсоветов жестоко расправлялись с лишенцами, особенно с зачинщиками-организаторами восстания.

В болото, рядом с нашей избушкой, убежал, прятался лишенец. Я увидела, он между кочками ползет в синей рубашке. Я кричала: «Музык ползет» (я долгое время не выговаривала шипящие буквы). Потом я узнала, что отец его сопровождал и закрыл в бане, а ночью выпустил, когда по дороге стрельба прекратилась.

В 1937 г. родного брата, Килина Федора Мартемьяновича, взяли. «Тройкой» без суда и следствия, без права переписки отправили на «Калыму» (ныне Магадан) как кулацкого сына, да закончившего Сарапульский техникум, Удмуртия. На Калыме он пробыл 10 лет. В 1956 г. ему дали бумажку в две строчки, что был репрессирован, признан «врагом народа» по ст. 58 и полностью реабилитирован. Эту бумажку я читала на своей Родине в пермской области, Куединском районе, где жил брат после Калымы.

В нашем доме была организована школа «ликбез», как нашу семью в 1930 г. выселили. Я очень хорошо помню, как проходила ликвидация безграмотности. Писали : «Мы – не рабы, рабы – не мы».

Пригнанных лишенцев в Нарым организовывали в колхозы, отдельные – «лишенские», позднее назывались «кулацкими». Так, при образовании Парбигского района Томской области, было 23 колхоза лишенских и 22 из местного населения. В нашем, Гарском, сельсовете лишенские колхозы были в поселках Новой Жизни, Новой Бурке, Светлых Гривах и Восточном, то есть 4 колхоза из 8.

А на территории Чаинского района образовали 3 района: пос. Селивановка (ныне Бакчар) – Бакчарский район, в пос. Парбиг – Парбигский район (по названию рек Парбига и Бакчара) и в пос. Подгоргом оставлен Чаинский район. Большинство жителей были лишенцы-кулаки, пригнанные со всех концов территории СССР. При каждом сельсовете, а если большой поселок, то и в поселке, размещалась спецкомендатура, «держали» лишенцев под дулом. В первый год ВО войны не призывали на фронт, не доверяя оружие лишенцам. Только в Сталинградскую битву, под командование Рокоссовского призывали в штрафные роты. Без подготовки гнали на фронт, опять, как скот, не считая за людей, детей кулаков. Многие сложили головы, а выживших, пришедших по ранению или после Победы, над ними и семьями продолжали «издеваться».

В 1947 году был такой закон: за кражу в колхозе пустого мешка была тюрьма в 5 лет, или в поле возьмет голодный лишенец горсть зерна, тоже тюрьма до 7 лет.

В Парбиге вершили беззаконие прокурор Нестеров и начальник НКВД района Ковригин (имена не помню), Медведев – начальник милиции, а в НКВД при сельсовете был комендантом «зверь» - Малов. Так они решили послать председателем колхоза в пос. Горбуново Парбигского района нашего зятя, Еремина Анатолия Евламповича. А он работал (израненный пришел с фронта) председателем сельсовета. Он отказался. А эти НКВД-шники ему говорят – отдавай партбилет. Он сразу выбросил. Тогда они, не выходя из-за стола кабинета, сказали: «Посадим твою жену-кулачку в тюрьму (это моя родная сестра, Анна Мартемьяновна)». Сфабриковали дело, что она присвоила госсобственность в особо крупных размерах, а недостачи у продавцов в Горбуновском сельпо было всего 300 рублей. В 1950 году сестра работала бухгалтером в сельпо. Не посмотрели, что остался годовой ребенок, и сестра была беременной. Осудили ее на 8 лет лишения свободы, угнали на Кузьминку (Почтовый сейчас), где строилась атомная станция. Родившегося ребенка умертвили, чтоб рабочая сила не отвлекалась на своих детей, кормление и т.д. После смерти Сталина освободили ее по амнистии. Пробыла почти 3 года там.

Вторичным раскулачиванием, или конфискацией за непосильные налоги во время ВОВ, в нашей семье забрали весь скот: корову, теленка, овец – за налоги в военное время. Жить, питаться совсем было нечем, и отец умер голодной смертью в 1944 году, оставив 5 детей из 10 нас всех у матери с отцом. А какие страшные налоги «драли» с населения. Хотя и нет скота, все равно отдай: шерсть, масло, мясо, шкуры, яйца и т.д.

Я уже писала, что в середине 30-х гг. лишенцев (кулаков). Единоличников начали превращать в колхозы. И опять хозяйство колхозное организовано (составилось) из изъятия (конфискации) имущества: скота, лошадей, птиц, дворов, построек, инвентаря, сбури, телег, саней, веревок и до мелочи, чтобы коллективная была конюшня, скотный двор, овчарни, птичник, амбары и прочее. При этом ни одной копейки не платили за обобщественное имущество. Земля была дана от государства на вечное пользование (книга об этом храниться сургучной печатью в сейфе конторы колхоза).

Всю сельскохозяйственную производимую продукцию колхозниками, сдавали государству. Колхозники, сколько существовали колхозы, работали за трудодни – палочки. В конце года подводились итоги и на трудодни давалось только зерно в соответствии выработанных трудодней. Землю обрабатывали лошадьми, быками и коровами. Выращивали хорошие урожаи, особенно ржи. Но почти все зерно сдавалось в хлебопоставку. В нашем Гарском сельсовете из 8 колхозов были деревни и не было МТС (Машинотракторной Станции). А с 1950-го г., при участии обработки земли МТС, была такая натурплата за машины, что опять колхозникам на трудодни ничего не оставалось.

У колхозников никаких трудовых документов не было (паспортизировать начали с 50-55-х гг.). В эти же годы лишенцев начали снимать с учета в спецкамендаруре. Опять было укрупнение колхозов и небольшие колхозы-поселки ликвидировались в третий-четвертый раз, лишали жилья, построек, пригнанных в Сибирь людей. Ни копейки опять за это перемещение не платили. В начале 1960-х гг. колхозы превращали в совхозы и на трудодни начисляли деньги, кроме хлеба. Все документы работы в колхозах уничтожены НКВД при закрытии комендатур. Даже похозяйственные книги при сельсоветах сейчас трудно найти, особенно работу колхозников в довоенное, военное и послевоенное время. Наш Парбигский район, имевший 45 колхозов, в начале 1960 г. ликвидировали. В настоящее время еле «теплятся» 4 поселка, земли все запустили, скот ликвидировали, а МТС, еще в конце 1950-х годов, превратили в РТС (ремонтно-тракторную станцию) и владеть передали в совхозы – они же были государственными. Проезжая по бывшему кулацкому Парбигскому району сейчас, волосы дыбом поднимаются. Во что превращен наш, многолетний, подневольный труд в колхозах? Даже документы о работе в колхозах (числились только в списках в «Амбарных книгах колхоза») были уничтожены. В настоящее время свидетельские показания о труде в колхозе не принимаются собесами, чиновниками соцзащиты, администрациями на местах.

Я уже писала, что пригнанных лишенцев поселяли среди наших Нарымских болот. Поселки называли: Болотовка (Верхняя, Нижняя), Комаровка, Кедровка, Гривы, Моховые (их было 3).

Семьи лишенцев, имеющие мужчин – сыновей, братьев, брались за работу, построили себе жилье (лесу было много). Тайга сибирская была очень богатой, реки и озера рыбные, а сколько было дичи – глухарей, куропаток, лосей, коз. У нас отец не имел ружья и то, осенью всегда заготавливал эту дичь. Выроет яму, кругом сверху обложит (закроет) снопами хлеба колосьями вовнутрь и ловушка готова. Я несколько раз ходила с ним. С сестрами на зиму заготавливали много ягод: малину, смородину, кислицу, черемуху сушили, бруснику мочили, клюкву собирали в болоте и оставляли до морозов в ларях (срубках) в виде ящичков, а зимой вывозили. Одежду, обувь, спальное, полотенца – все изготавливали своими руками, обрабатывая лен, коноплю, посконь. Стлали, мяли, трепали, чесали и пряли, ткали, шили одежду из льна.

А мы, пермяки, носили лапти. Отец даже плел лапти в колхоз за трудодни. Пойдем в школу в лаптях с онучами (портянками), доходя до поскотины (загородки) переобуемся в ботиночки. Поучимся в школе, а домой опять в лаптях.

Перед коллективизацией изымали приобретенное лишенцами хозяйство, жилье, скот и вторично раскулачивали уже здесь, в Сибири. Так дважды была раскулачена семья Сустина Г.Е., Полякова И.А., Шадрина А.С. А грамотных в 1937-38 годах признавали врагами народа, увозили, расстреливали без суда и следствия. Так у нас в школе учитель был взят – Петрявский Александр Михайлович, а также жители Сибиряков, Ивин Е.Е., Постнова Е., Ядрышникова и др.

В 1941 году, когда я училась на ветеринарного фельдшера в Колпашево, несколько раз бывала в НКВД, отмечалась, ведь я туда приехала без документов, а за нами особенно «следили». Помню хорошо «Колпашевский яр», где НКВД расстреливали без суда и следствия.

В 1940-е гг. семью Заволоцких, во главе Степана Кирилловича, раскулачили, посадили в тюрьму. Он еще был в тюрьме, осудили за военные налоги его жену на 10 лет (справка из ФСБ по Том. обл. от 17.04.1998 г.), затем и старшую дочь осудили на 5 лет (справка от 17.10.1997 г.).

Хорошо помню, как в 1941 году в наши Парбигские бота пригнали прибалтийцев (латышей, эстонцев) и немцев, но поселили их в поселки, обжитые лишенцами, пригнанными в 1930-е годы. Привезли в Парбигский район в 1944 году рязанцев за их религию. Они, рязанцы, считали - грех работать в колхозах. Однажды, в пос. Хуторском Высокоярского сельсовета одну девушку повезли на уборку сена. Поставили, чтобы она

«стоговала» сено, она даже не двинулась. Колхозники забросали ее сеном. Пришлось разгрести, вытащили чуть живую эту девушку.

О дороге в наш Парбиг. Сухопутно была дорога через болота, низины («согры»). Поэтому годами люди платили «самообложение», а летом со всех поселков пригоняли на ремонт дороги (копали канавы, делали «слань» и т.д.). В 50-е гг. чистили берега у рек: Парбига, Кенги, Бакчара, Галки, после спада воды, а потом возили по воде грузы: в сельпо – товары, в Заготзерно – «мельстрой» (так называлось место около центра Парбига). Помню, в 1946 г. мы, молодежь, субботниками и после работы без оплаты расчистили место под аэродром, и начали летать самолеты до Парбига. И как обидно – сейчас все наши труды полностью уничтожены.

В настоящее время, уже пятый год (с 1996 г.), помогаю репрессированным добиться правды, особенно в получении компенсации за изъятое имущество при выселении раскулаченных крестьян. Почти у всех в архивных справках нет описания имущества, хотя в справках указано – изъяты сельскохозяйственные машины, молотилки, ветряные мельницы. Рекомендуют найти 100-летних свидетелей. Или, в большинстве [случаев], у лишенцев глава семьи являлся главой семьи отец, дед, [которые] умерли по дороге. Где найдешь их могилы, а тем более справки о смерти? Ведь гонимые умирали по дороге целыми семьями. Поэтому главой семьи на спецпоселение становились жены, матери. Они для выплаты компенсации не принимаются.

В ссылке голодных людей, бывало до смерти, заедал гнус (комары, осы, пауты, мошка, слепни и т.д.). А в 1933 г. половину пригнанных лишенцев «скосил» сыпной тиф. Пример: семья Николаевых - из 8-ми человек на поселении осталось только 3, за дорогу умерли 5 человек.

В справках указано, что все конфисковано (описи нет) и черным по белому написано: «Без права возврата к прежнему месту жительства».

Или у семьи Быковых в суде доказано шестилетней свидетельницей, что был двухэтажный дом, надворные постройки, молотилки, земля, скот, лошади. Так, народный суд по протесту прокурора не считает малолетних свидетелей – отказал.